

Вяч. ИВАНОВ

<Божественная комедия>

<Фрагменты>

«Пир». Трактат второй

О вы, чей разум движет сферу третью!
Услышите тайный помысл мой сердечный!
Зане другим сказать бы я не мог
Столь новых дум. Свод неба быстротечный,
Влекомый вами, жизнь мою, как сетью,
Своим круговращением увлек.
Итак сколь долу горестен мой рок,
Достойно вам поведаю, благие
И мудрые бесплотные! Молюсь,
Внемлите вы, какой тоской томлюсь,
И как душа стенает, и какие,
Ей прекослова, речи говорит
Тот дух, чей звездный лик меж вас горит.

Бывало сумрак сердца оживляла
Небесная мечта. Ее державе
Владыки вашего святил я в дань.
Жену я видел в лучезарной славе.
Столь сладко горний свет мечта являла,
Что дольную души рвалася грань
Переступить. Но враг подъемлет брань.
Душа бежит гонителя. Владеет
Мной деспот новый, и волнует грудь.
Он на жену другую мне взглянуть
Велит. «Кто зреть спасенье вожделеет»,—
Так шепчет он — «пусть в очи смотрит ей
Коль не страшится вздохов и скорбей».

Но с помыслом губительным враждует
Умильная мечта, что говорила
Мне о жене, увенчанной в раю.
Душа, чью боль она заворожила,
Осиротев, мятется и тоскует,
Утешную зовет мечту свою.
Корит глаза: «Разлучницу мою
В который час, мятежные, узрели?
И вас она? О новой сей жене,
Ослушные, не верили вы мне!
Мечи для душ таких, как я, горели
В очах убийственных. Я не могла
Те очи скрыть от вас и умерла!»

— «Нет, ты не умерла, но ужаснулась
Внезапности, душа, и возропала» —
Ей молвит некий друг, любви посол:
Прекрасную узрев, иной ты стала.
Преобратясь, почто же содрогнулась,
И малодушный страх в тебя вошел?
Смири мятеж и победи раскол!
Сколь мудрая приветно величава,
Сколь благочестна, кротости полна!
Отныне госпожа твоя — она.
Окрест ее чудес столь многих слава,
Что скажешь ты: «Вотще была борьба.
Господь любви, се аз, твоя раба!».

О песнь моя! согласным одобреньем
Принять могущих весть твою — немного:
Твой смысл доступен, ведаю, не всем.
Коль темная ведет тебя дорога
Кю встрече с равнодушьем и бореньем,
Утешься, и кому глагол твой нем,
Ответствуй на вопрос его: зачем?
Твое вещанье странно и неясно?
— «Пусть весть темна, но явь не сладкогласна?»

«Пир». Трактат третий

1

Любовь со мной беседует всечасно
И дивное о Дивной возвещает,

Чего порой мой разум не вмещает,
Ища постичь, сбивается с пути.
А весть Любви все льется сладкогласно
И внемлющей души не насыщает;
Пьет звук душа, но скорбь ее смущает:
Глаголы где для вести той найти?
Так, должен я молчаньем обойти
Что пленной мысли неисповедимо.
Иное же из вести благодатной,
Что сердцу и понятно,
Нет слов изречь: без слов иду я мимо.
А потому, коль песнь моя нема,
Коль не поет о Ней непогрешимо,
Мое в том скудоумье, не сама
Владычица повинна, — дух мой нищий
Вас напитать Любви небесной пищей.

2

Не видит Солнце, что весь мир обходит,
Красы такой, как в час, когда осветит
Обитатели, что Светлому ответит,
Улыбкою пресветлая Жена.
И каждый горний Ум очей не сводит —
С нея; и здесь, кого Любовь отметит,
Ее ж опять в мечтах влюбленных встретит,
Когда сойдет на сердце Тишина.
Излюблена Творцом своим она:
Он силы льет в Нее преизобильно,
Избыточней, чем сколько жизни тварной
Довлеет. Лучезарный,
Из благодати сотканный, умильно
Душа свой облак, чистая, влачит.
И видеть облак — око не бессильно:
В сердца чрез очи Дивная лучит
Своих послов; сердечные желанья
Летят из плена к ней, как воздыханья.

3

Над Нею сила свыше привитает,
Как луч на боговидцах-херувимах:
В том каждая из жен, достойно чтимых,

Уверится, потщась Ее узнать.
Заговорит ли, — некий дух слетает,
Свидетелем словес, с высот незримых, —
И явно всем, сколь благ, землей ценимых,
Божественная больше благодать.
Пленяет нежной прелести печать
В Ея движенье каждом и деянье,
И каждое любовь зовет различно.
О Ней сказать прилично:
Все, что ни есть в Жене, все — обаянье!
Лишь то прекрасно, что подобно Ей!
Так учит нас живой красы сиянье,
Что может чудо явью стать очей,
И в вере укрепляет человека.
Такой Ее замыслил Бог от века!

4

Ты б уловил в чертах Ее обличья
Все радуги небес, всю радость рая.
Сверкает смех, и блещет взор, играя:
Сокровищница здесь любовных чар!
Их ни изречь не в силах, ни постичь я:
Сияет солнце, зренье поборая;
Взор возведу — и слепну; замирая,
Уста немеют, — нищ хвалебный дар.
Ее красот божественный пожар
Дождит огни живые искр любовных.
Те души-искры — дум благих посевы.
Но грозовые гневы
Те пламени для плевел в нас греховных!
Пусть красотой надменная жена,
Коль ищет добродетелей духовных
Убранств не приобретающая духовных,
На Оную воззрит, сколь Та скромна, —
И устыдится, гордая, Смиренной.
Такой Ее промыслил Вождь вселенной!

5

О Песнь! Другой Ты, мнится, прекословишь,
Сестре своей — той Песни, что надменной
Зовет Жену, Ее же столь смиренной,
Столь кроткою живописала Ты?

Что в том? Ты все ж не ложно славословишь
Лазурный свод, в сиянье неизменный,
Хоть в солнце взор и немощный, и пленный
Готов признать источник темноты.
Затмилися небесные черты,
Когда ты Песнь женой высокомерной
Обман души недужной отражала.
Зане душа дрожала
Пред ней; и ныне трепет суеверный
В Ея соседстве дух объемлет мой...
Вот, если спросят, твой нелицемерный
Ответ! Иди же с речью к Ней прямой.
«Когда тебе я, Госпожа, по праву,
Всех совершенств Твоих скажу я славу!»

Чистилище, I, 1–67

- 1 Для плаванья на благостном просторе
Подъемлет вдохновенье паруса:
Жестокое мой челн покинул море.
- 4 Пою второго царства чудеса,
Где дух, от скверн очистившийся, станет
Достоин вознестись на небеса.
- 7 Здесь мертвая поэзия воспрянет:
Коль ваш, святые Музы, я пророк.
Во весь свой рост Каллиоппея встанет
- 10 Со звоном, что Пиерия сорок
В отчаянье поверг: напела лира
Соперницам безумным горький рок.
- 13 Цвет сладостный восточного сафира,
По первый круг сгущаясь в вышине
Чистейшего, прозрачного эфира,
- 16 Опять целил и нежил очи мне,
Так долго мертвым воздухом, без света,
Дышавшему в исхоженной стране.
- 19 Любви благосклонная планета
Гасила Рыб-сопутниц, веселя,
Прекрасная, свой край лучом привета.

- 22 Направо свод сияньем убеля,
Меж звезд искрились ясные четыре;
Их знал Адам и первая земля.
- 25 Тех пламеней нет радостнее в мире.
О Север, вдовый, южный их узор
Не блещет на твоей ночной порфире.
- 28 Уж Колесницы не мерцал собор
На супротивном полюсе вселенной,
Куда нескорю перевел я взор.
- 31 Мне старец предстоял достопочтенный,
Маститой убоился я красы,
Как пред отцом робеет сын смиренный.
- 34 Делились на две ровных полосы,
На грудь сбегая, с длинною брадою,
Ручьем черносеребряным власы.
- 37 Он осиян был силою святою
Звезд четырех, как будто бы в упор
Взирал на солнце прямо пред собою.
- 40 «Кто вы? Слепой реке наперекор,»
Он рек, честное зыбля оперенье, —
«Как, узники, бежали на простор?
- 43 Кто в долах тьмы давал вам уверенье
Стези надежной? Из темницы вон
Лампады чьей вело вас озаренье?
- 46 Что ж? Преисподней попран ли закон
Иль отменен уставом свыше новым?
Запретен осужденным сей притон.»
- 49 Касаньем рук, бровей движеньем, словом
Наставник мой вложил мне в мысль совет
Склонить колени пред судьей суровым.
- 52 Сам речь держал: «Моей тут мысли нет.
Сошедшая с небес в мои юдоли
Жена святая мне дала завет:
- 55 Сего путеводить. Но так как боле
Ты хочешь знать о путниках, — изволь:
Мой долг твоей послушествовать воле.

- 58 Он смерти не вкусил еще; но столь
Безумно жил он, что во тьме греховой
Блуждал на шаг от гибели, — доколь
- 61 Я не был послан благостью верховной
С ним разделить глубоких странствий труд:
Иной тропы нет в мир ему духовный.
- 64 Я показал ему проклятый люд;
Пусть узрит ныне, коих очищает,
К спасенью предназначенных, твой суд.
- 67 Повествовать мне время воспрещает [.]

